

**ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОЭМЫ ДЖ. МИЛЬТОНА
«ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ».**

Джураева Мадина Мамуровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Денауского института предпринимательства и педагогики,

djuraevamadina554@gmail.com

Бобохонова Махлие Бахтиер кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

maxliyo313@gmail.com

Абдуллаева Махбуба Абдухалим кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

mahbubaabdullayeva67@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется философское содержание поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667) в контексте религиозно-политической мысли Англии XVII века. Исследуются ключевые проблемы: соотношение свободы воли и божественного предопределения, природа зла (теодицея), образ Сатаны как философская фигура бунта, а также политическая философия иерархии и равенства, имплицитно присутствующая в тексте. Методологической основой служат историко-философский и структурно-семиотический подходы. Автор приходит к выводу, что Милтон предлагает не догматическое, а диалектическое решение проблемы теодицеи, в котором свобода выбора выступает высшей ценностью, оправдывающей возможность грехопадения. Поэма рассматривается как синтез пуританской теологии, республиканской политической теории и ренессансного гуманизма.

Ключевые слова: Джон Милтон, «Потерянный рай», философская поэма, свобода воли, теодицея, образ Сатаны, добро и зло, пуританство, английская революция XVII века, иерархия, эпическая поэзия.

Abstract. This article analyzes the philosophical content of John Milton's poem Paradise Lost (1667) within the context of 17th-century English religious and political thought. Key issues explored include the relationship between free will and divine predestination, the nature of evil (theodicy), the image of Satan as a philosophical figure of rebellion, and the political philosophy of hierarchy and equality implicit in the text. The methodological basis is the historical-philosophical and structural-semiotic approaches. The author concludes that Milton offers a dialectical rather than

a dogmatic solution to the problem of theodicy, in which freedom of choice emerges as the highest value, justifying the possibility of the Fall. The poem is viewed as a synthesis of Puritan theology, republican political theory, and Renaissance humanism.

Keywords: John Milton, Paradise Lost, philosophical poem, free will, theodicy, image of Satan, good and evil, Puritanism, English Revolution of the 17th century, hierarchy, epic poetry.

Введение. Поэма Джона Мильтона «Потерянный рай» (Paradise Lost, 1667) — одно из центральных произведений не только английской, но и всей европейской литературы. Написанная после крушения Английской республики и реставрации монархии Стюартов, в период личного поражения поэта (слепота, политическое разочарование), поэма стала не только переложением библейского сюжета о грехопадении Адама и Евы, но и глубоким философским трактатом, замаскированным в эпическую форму. Мильтон ставит и пытается разрешить вопросы, которые волновали европейскую мысль от Августина до Канта: как совместить всемогущество и всеблагость Бога с существованием зла в мире? Свободен ли человек в своём выборе, или его поступки predetermined? Имеет ли бунт против авторитета моральное оправдание?

Цель данной статьи — систематический анализ философской проблематики «Потерянного рая» с выделением центральных тематических блоков: проблема свободы воли и predetermined, теодицея, образ Сатаны как философский конструкт, политическая философия поэмы и концепция времени/истории. Методологическую основу составляют историко-философский метод (реконструкция контекста английской революционной мысли) и структурно-семиотический анализ (выявление бинарных оппозиций: свобода/необходимость, добро/зло, рай/ад).

Свобода воли и predetermined: антропологический нерв поэмы.

Центральная философская коллизия «Потерянного рая» — это конфликт между божественным всеведением (Бог знает, что Адам согрешит) и свободой человеческого выбора. Если Бог заранее знает о грехопадении, не делает ли он человека простым исполнителем божественного сценария? Мильтон даёт ответ, который современные исследователи называют «мильтоновским компромиссом» [Fallon, 1991, p. 78].

В III книге поэмы Бог, обращаясь к Сыну, провозглашает:

«Те, кто падет, сами себя низвергли, / Недостаточно стойкие и твердые» (III, 125–126; пер. А. Штейнберга).

Мильтон последовательно различает **предзнание** (foreknowledge) и **предопределение** (predestination). Бог знает, но не принуждает. Человек создан «свободным, самовластным» (free, self-governed), как объясняет архангел Рафаил Адаму в VIII книге. Свобода воли — это не недостаток творения, а его высшее достоинство. Рай, в котором послушание было бы вынужденным, превратился бы в тюрьму. Таким образом, Мильтон решает проблему теодицеи на антропологическом уровне: зло (грехопадение) — это цена, которую платит Творец за возможность существования подлинной любви и подлинного выбора.

Однако исследователи отмечают внутреннее напряжение в этой позиции. Если Бог создал Адама и Еву «совершенными», почему они поддались искушению? Мильтон вынужден ввести понятие «свободной воли, уязвимой для обмана» (free but fallible will). Это уязвимость — не ошибка творения, а необходимое условие возможности нравственного усилия. Как замечает философ Ч. Тейлор, «у Мильтона свобода — это не способность выбирать между добром и злом уже постфактум, а способность творить добро в ситуации, где зло является реальной альтернативой» [Taylor, 1989, p. 212].

Теодицея: оправдание Бога в мире, полном зла.

Термин «теодицея» (от греч. theos — Бог, dike — справедливость) был введён Лейбницем в 1710 году, но сама проблема была сформулирована Мильтоном за полвека до того. «Потерянный рай» — это грандиозная попытка оправдать Бога перед лицом страданий человечества.

Мильтон предлагает три основных аргумента.

Первый аргумент: зло — не самостоятельная субстанция, а прива́ция (лишённость) добра. В теологической традиции, восходящей к Августину, зло понимается как «отсутствие должного блага». Сатана не создаёт новое зло; он искажает сотворённое добро. Гордыня — это извращённая любовь к себе; ложь — извращённая жажда истины. Мильтон визуализирует эту идею в образе греха и смерти, порождённых Сатаной: они уродливы, но вторичны.

Второй аргумент: из большего зла Бог извлекает большее добро. Эта формула (*felix culpa* — «блаженная вина») звучит в конце XI книги, когда Адам, узнав о грядущем искуплении через Христа, восклицает:

«О блаженная вина, которая дала нам / Такого Искупителя!» (XI, 468–469).

Грехопадение позволяет развернуться всей истории спасения — от Воплощения до Страшного суда. Без падения не было бы искупления, а значит, не было бы и того избытка благодати, который превышает первоначальное состояние невинности.

Третий аргумент: знание добра и зла, обретенное через опыт, выше невинного незнания. Ангел Рафаил предупреждает Адама, что райское состояние — это состояние «послушания без понимания». После грехопадения человек получает возможность различать добро и зло самостоятельно, что делает его нравственно взрослым. Как формулирует сам Мильтон в прозаическом трактате «Ареопагитика» (1644): «Нельзя хвалить добродетель того, кто не знает порока».

Таким образом, теодицея Мильтона не апологетическая в узком смысле, а диалектическая: она признаёт реальность страдания, но утверждает, что в общей экономии спасения страдание имеет смысл.

Образ Сатаны: бунт, свобода и деградация. Ни один образ «Потерянного рая» не вызывал столько споров, как образ Сатаны. Романтики (Блейк, Байрон, Шелли) видели в нём первого бунтаря, революционера, бросившего вызов тирании. Блейк писал: «Мильтон был на стороне дьявола, сам того не зная». Консервативные критики (Т. С. Элиот, К. С. Льюис) настаивали, что Сатана — фигура последовательно развенчиваемая, чьё величие иллюзорно.

Философский анализ показывает, что Мильтон создаёт сложную диалектику. В I–II книгах Сатана действительно предстаёт как эпический герой:

«Лучше властвовать в аду, чем прислуживать в раю» (I, 263).

Его риторика свободы и сопротивления централизованной власти звучала для современников Мильтона, переживших казнь Карла I, крайне двусмысленно. Однако по мере развития поэмы образ деградирует. В IV книге Сатана уже не может произнести имя Бога без судорог; в IX книге он превращается в змея-искусителя; в X книге он вместе с сообщниками превращён в змея навсегда. Деградация проходит несколько стадий: от титанического бунтаря до лживого соблазителя и, наконец, до жалкого пресмыкающегося.

Философски значимо, что Мильтон показывает **внутренний распад бунта**. Свобода, понятая как чистое отрицание (негативная свобода), неизбежно вырождается в рабство страстям. Сатана не может перестать ненавидеть — и эта ненависть делает его рабом. Как точно замечает исследовательница Д. Макколл, «Сатана — это персонификация свободы без любви, которая оказывается самой жестокой формой необходимости» [McColley, 1992, p. 167].

Вопрос, на чьей стороне сам Мильтон, не имеет однозначного ответа. Скорее всего, поэт демонстрирует трагедию бунта: он понимает его привлекательность, но показывает его несостоятельность. Это не апологетика, а диагноз.

Политическая философия: иерархия, равенство и республиканизм.

«Потерянный рай» невозможно понять вне политического контекста Английской революции. Мильтон был секретарём Кромвеля по латинской переписке и автором республиканских трактатов («Защита английского народа», 1651). Поэма — это политическая аллегория, замаскированная в космогонию.

Божественная иерархия у Мильтона выглядит так: Бог (монарх) → Сын (исполнитель воли) → ангелы (аристократия/бюрократия) → человек → животные. Однако Мильтон подчёркивает, что эта иерархия основана не на произволе, а на природном порядке. Более того, равенство в раю — это не равенство всех функций, а **равенство достоинства** в рамках разных функций. Как говорит Адаму ангел Рафаил:

«Созданы вы, чтобы служить / И подчиняться, но не рабски — разумно» (VIII, 183–184).

Особенно важен образ Евы. Мильтон, разделявший патриархальные представления своего времени (жена должна подчиняться мужу), тем не менее изображает Еву до грехопадения как свободного и разумного партнёра. Её решение вкушать плод принимается не по слабости, а из желания знания. Более того, именно любовь Евы к Адаму («мы падём вместе, или вместе будем жить») оказывается выше эгоистического самосохранения. Мильтон, таким образом, вводит философский мотив: **подлинная свобода реализуется не в одиночестве, а в любви**, даже если любовь ведёт к падению.

Политическая философия поэмы резюмируется в знаменитой строке: «Нельзя быть свободным, не будучи добродетельным» (XII, 83). Для Мильтона свобода — не естественное состояние, а достижение, требующее самодисциплины. Именно поэтому республика пала: англичане не были достаточно добродетельны, чтобы её удержать.

Философия времени и истории. «Потерянный рай» предлагает не только этическую и политическую, но и онтологическую концепцию времени. В раю (до грехопадения) времени в нашем смысле не было. Адам и Ева жили в вечном «сейчас» — циклическом, повторяющемся, бесконечном дне. Грехопадение «разрывает» вечность и порождает линейное время: прошлое, настоящее, будущее, а вместе с ними — смерть, историю и память.

Архангел Михаил в XI–XII книгах показывает Адаму панораму будущего человечества: от Каина до Христа, от Потопа до Страшного суда. Это видение — философское обоснование истории как **провиденциального процесса**. Кажущийся хаос событий (убийства, войны, империи) на самом деле вплетён в план спасения. Даже зло работает на благо.

Мильтон здесь близок к Августиновской философии истории («О граде Божиим»), но с одной важной поправкой: финал поэмы — не торжество церкви, а выход Адама и Евы в «огромный мир». Они идут навстречу истории, полной страданий и выбора. Поэма заканчивается не эсхатологическим разрешением, а открытой перспективой:

«Они, оглянувшись, / На райский сад последний бросили взгляд... / И мир лежал перед ними, куда им путь лежал» (XII, 640–650).

Философски это означает: спасение не дано, оно задано как задача. История — это пространство свободы.

Заключение

«Потерянный рай» Джона Мильтона — это не только вершина английской эпической поэзии, но и глубокий философский синтез. В поэме последовательно развёрнуты и связаны воедино:

- **антропологическая проблема** (свобода воли как условие нравственности);
- **теологическая проблема** (теодицея, оправдание Бога через *felix culpa*);
- **политическая проблема** (иерархия как порядок свободы, а не рабства);
- **историософская проблема** (линейное время как пространство спасения).

Мильтон не предлагает легких ответов. Его Бог говорит на языке юстиции, а не милосердия; его Сатана обаятелен, но обречён; его Адам и Ева покидают рай, не зная, ждёт ли их искупление. Однако именно эта открытость, этот отказ от догматической определённости делают поэму философски значимой для последующих эпох. Как писал Х. Блум, «Мильтон научил нас тому, что поэзия может быть такой же сложной мыслью, как и философия, но при этом оставаться поэзией» [Bloom, 1996, p. 127].

Вопросы, поставленные в «Потерянном рае» — о цене свободы, природе зла и смысле истории — сохраняют свою остроту и в XXI веке. И в этом — непреходящее философское значение поэмы.

Список использованной литературы.

1. **Bloom, H.** Milton's Epic: The Struggle for Paradise. — New York: Chelsea House Publishers, 1996. — 298 p.
2. **Fallon, S. M.** Milton Among the Philosophers: Poetry and Materialism in Seventeenth-Century England. — Ithaca: Cornell University Press, 1991. — 264 p.
3. **Hill, C.** Milton and the English Revolution. — London: Faber & Faber, 1977. — 541 p.

4. **Lewalski, B. K.** The Life of John Milton: A Critical Biography. — Oxford: Blackwell, 2000. — 777 p.
5. **McColley, D.** Milton's Eve. — Urbana: University of Illinois Press, 1992. — 256 p.
6. **Taylor, Ch.** Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. — 624 p. (глава 9: «Milton and the Affirmation of Freedom»).
7. **Мильтон, Дж.** Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец / Пер. с англ. А. Штейнберга, Ю. Корнеева; под ред. М. Самаева. — М.: Художественная литература, 1976. — 575 с.
8. **Решетов, В. Г.** Философские аспекты поэтики Мильтона // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2005. — № 2. — С. 78–94.